

Элли Картер позволила своим губам задержаться на маминой щеке так долго, как только осмелилась. Она чувствовала запах духов, которые мама нанесла перед тем, как они вышли из дома, - запах, настолько чувственный для подростка, что она почти позволила себе высунуть язык, чтобы нежно лизнуть гладкую и мягкую мамину кожу. Она поймала себя и мысленным усилием заставила себя выпрямиться и потянуться к ручке двери машины. К счастью, мама ничего не заметила. Две секунды, может быть, и многовато для семейного прощального поцелуя, но не настолько много, чтобы вызвать подозрение, что это что-то более запретное.

"Пока", - Эмбер Картер повернула голову к дочери и улыбнулась улыбкой, которая показалась подростку слишком сексуальной для слов, даже если ее мама считала, что это просто прощальная ухмылка, - "Увидимся позже".

"До вечера", - ответила Элли, стараясь сохранить непринужденный тон и держать под контролем любой подтекст вождения к женщине, которая родила ее. Открыть дверь и выйти на тротуар перед школой, не обращая внимания на снующих мимо учеников, повернуться и помахать маме рукой, пожилая женщина помахала в ответ, бросив короткий взгляд на дорогу в ожидании свободного места. Элли осталась сидеть на месте с поднятой в знак прощания рукой и неподвижной, но фальшивой улыбкой на лице. Ее мама была такой горячей и сексуальной, что Элли могла бы оставаться с ней весь день, украдкой перехватывая крошечные прикосновения и взгляды и мечтая, чтобы ее мама была не ее мамой, а другой привлекательной разведенкой, которая, в свою очередь, была не менее привлекательна для старшеклассницы.

"Ты трахаешь ее?" - голос позади Элли был достаточно далеко, чтобы она не почувствовала приближения человека, но достаточно близко, чтобы она не сомневалась, что слова предназначались ей.

Она повернулась, готовая высказать все, что она думает о людях, обвиняющих других в кровосмесительном сексе, но сдержала свои слова. Выступающий был не другим учеником, а новым консультантом по профорientации, мисс Норман. Она была всего на несколько лет старше учеников, не больше середины двадцатых, но от нее исходила атмосфера житейской зрелости, с которой не могли сравниться ни Элли, ни ее друзья. Тем не менее, говорить о чьей-то маме было странно, и Элли задалась вопросом, ходят ли вокруг слухи о ее сексуальной ориентации (которая была довольно изменчивой, но и довольно тайной) или ложные слухи о том, что она встречается с какой-то женщиной постарше. Она решила отбросить последнее, даже не комментируя первое: "Она моя мама", - объяснила она.

"Я знаю", - мисс Норман смотрела на Эмбер, когда пожилая женщина упустила возможность уехать, обернувшись, чтобы еще раз помахать рукой своей дочери.

"Вы спросили..." начала Элли и тут же сбилась с мысли, гадая, не ослышалась ли она или это предназначалось кому-то другому.

Это было не то слово, которое легко перепутать с чем-то другим - по крайней мере, с чем-то, имеющим смысл, а все остальные вокруг них направлялись ко входу в школу и игнорировали их, в то время как мисс Норман продолжала смотреть между двумя Картерами, ясно давая

понять, что говорит с подростком о ее маме. Элли сделала паузу и начала снова: "Нет".

"Но ты хочешь", - кивнула мисс Норман, как будто ожидая отказа, но не обманываясь, что это потому, что Элли отталкивает эта идея. Подросток покраснел, удивляясь, откуда консультант знает и что она собирается делать.

Ответом на второй вопрос стало то, что она полезла в сумку и достала карточку с записью на прием, быстро написала на ней, прежде чем передать ее Элли. "У меня есть свободное место в одиннадцать. Покажи карточку учителю, чтобы выйти из класса", - проинструктировала мисс Норман.

"Да", - ответила Элли, не зная, что сказать.

"Тогда до встречи", - приветливо улыбнулась консультант и пошла по ступенькам к выходу.

Элли продолжала смотреть ей вслед, в замешательстве пропуская мамины последние шаги на дороге.

*

Элли не знала правил вызова в кабинет консультанта, она всегда полагала, что это дело добровольное, а не то, для чего тебя вызывают. Но после первоначального шока ей удалось несколько мгновений подумать логически, хотя и вместо того, чтобы сосредоточиться на математике. Не было никаких доказательств того, что она сделала что-то неподобающее (в основном потому, что она этого не сделала, даже если бы и хотела), поэтому ей оставалось только отрицать все и выглядеть оскорбленной этим предложением. Мисс Норман не могла вызвать ее маму, заподозрив, что ее дочь испытывает к ней неуместные чувства. Поэтому, выходя из класса, она была вполне уверена в себе, хотя и не так уверена, когда постучала в дверь.

"Войдите", - сразу же позвала мисс Норман.

Элли вошла. Она не была в комнате с тех пор, как мисс Норман начала занятия [и не часто до этого]. Консультант переставила стол, который раньше занимал центральное место в комнате, в сторону, а в центре поставила несколько удобных кресел и небольшой журнальный столик. Двадцатилетняя девушка сидела в одном из них и сразу же пригласила Элли в другое: "Мята?" - спросила она, когда подросток сел и протянул Элли миску с маленькими круглыми котлетками.

Покачивая головой, Элли села и стала ждать, когда консультант начнет. Мисс Норман поставила миску и посмотрела на дверь, чтобы убедиться, что она закрыта. "Ты знаешь, почему ты здесь?" - спросила она, и Элли промолчала. Мисс Норман подождала мгновение, прежде чем продолжить: "Это потому, что ты хочешь трахнуть свою маму". На этот раз она не дала Элли времени сказать, прежде чем поднять руку, чтобы заставить ее замолчать: "Не говори ничего,

я не хочу начинать наши отношения с того, что ты мне лжешь". Элли промолчала, поскольку сказать неправду было именно тем, что она собиралась сделать. Мисс Норман усмехнулась и расслабилась: "Не волнуйся, я не собираюсь отговаривать тебя, я трахаю и свою маму".

В голове Элли пронеслись самые разные сценарии - от угроз тюрьмы или психиатрической помощи до искренних разговоров и предложений более регулярно посещать религиозные собрания. Но такого она никак не ожидала - единственная надежда была на то, что ее рот не был открыт слишком явно. Мисс Норман, похоже, не обратила внимания на реакцию Элли, вероятно, она ожидала ее, так как улыбнулась и достала свой телефон, переключившись на список контактов и показав Элли фотографию ее мамы над номером мобильного телефона. Подросток мог заметить сходство между ними, даже если между ними было не менее четверти века. Мисс Норман позволила подростку немного посмотреть на фотографию, затем отвернула телефон и провела пальцем по экрану. Она снова повернула телефон к Элли. На этот раз на фотографии была не голова в контактах, а мама мисс Норман в очень сексуальном бикини. Консультант провела большим пальцем по экрану, и он переместился на тот же пляж, но теперь пожилая женщина была полностью обнажена, полулежа на песке и откровенно обнажая себя. Появилась новая фотография, на этот раз она стояла на коленях на двуспальной кровати, ее большие сиськи были задрапированы тонкой ночнушкой, и когда мисс Норман снова щелкнула по телефону, ее мама лежала на кровати обнаженная, сверля игрушкой свою смазанную щель.

Вынув телефон, мисс Норман закрыла его и положила обратно на стол: "Это несколько снимков, которые я сделала с мамой во время нашего последнего летнего отпуска. Мы вместе уже пять лет - я была в том же возрасте, что и ты, выпускница средней школы. Мы были вместе, когда я учился в колледже, а потом, когда мы переехали сюда на мою новую работу, она поехала со мной - теперь мы живем вместе как пара".

"О... а ваши соседи знают?" Элли была шокирована и очарована, а также более чем немного ревнива.

"Это не то, о чем мы распространяемся - мы не особо общаемся с соседями - я думаю, большинство из них считает, что мы лесбийская пара с большой разницей в возрасте. Мне просто нужно помнить, что когда я иду по улице с ней под руку, я не называю ее мамой - это было бы выдающим фактором".

"Тогда зачем ты мне это говоришь?" спросила Элли.

"Потому что я видела, как ты целуешь свою маму на прощание, и видела, как она смотрит на тебя в ответ. Я еще не была уверена, трахаешься ли ты, но теперь догадываюсь, что нет...?" - она позволила вопросу затянуться настолько, что Элли почувствовала себя вынужденной ответить.

"Нет", - она сделала паузу, а затем уточнила, чтобы мисс Норман была уверена: "Мы не трахаемся".

"Но ты хочешь?"

Это был момент истины. Она могла бы отрицать это и выйти из комнаты, у нее был бы отличный материал для шантажа одного из сотрудников школы, если бы он ей когда-нибудь понадобился. Но потом у нее возникло чувство, что это заблокирует другой вариант, более запретный и шокирующий путь, но тот, который Элли знала, уже давно знала, что хочет выбрать. Она колебалась так долго, как только могла, боясь сделать первый шаг, но потом надела свои большие девчачьи туфли и сказала: "Да... Я хочу трахнуть свою маму".

От этого признания ей стало легче, словно с плеч свалился тяжелый камень, и мисс Норман радостно улыбнулась, как будто ее тоже вдруг охватило беспокойство, что она ужасно ошиблась. "Зови меня Доун, по крайней мере, когда мы не в школьных коридорах", - сказала она.

"Да, Доун", - было странно называть сотрудника школы по имени, почти так же запретно, как трахать маму, но в то же время чувствовалось, что это вопрос доверия и что они больше не студент и консультант, а подросток и ее чуть более старшая подруга. "Ты думаешь, у меня есть шанс с моей мамой, как у тебя с твоей?"

"О Боже, да, я наблюдала за вами обеими последние пару недель - так очевидно, что твоей маме нравятся трусики с тебя. Я не могу поверить, что никто больше не видит, как она смотрит на тебя, когда ты выходишь из машины, это чистая похоть на твою милую задницу - я почти ожидал, что она нырнет за ней".

Элли покраснела. Если бы ее мама была такой очевидной, как сказала Доун, подросток бы и не заметил этого. Доун усмехнулась: "Не волнуйся, что ты не заметила - наверное, я очень чувствительна к таким вещам, учитывая мою собственную ситуацию. Никто другой не сложит два и два - они думают, что идея о том, что мама и дочь увлечены друг другом, настолько абсурдна, что бывает только в порнофильмах".

"Так как, гм, вы узнали, что вы с мамой вместе?" спросила Элли, размышляя, не достать ли ей блокнот и сделать заметки.

Однако ответ был не слишком вразумительным: "Я просто придвинулся к ней". Доун широко улыбнулась, как будто вспоминая, и наклонилась ближе: "Но мне и маме было труднее, я думала, что мы единственные, кто чувствует то же, что и мы. У вас есть я и она, мы можем действовать как своего рода маяк - указывать вам с мамой путь к причалу, так сказать. Полагаю, ты заинтересован?"

"Да. Как?"

<http://erolate.com/book/2415/61478>